

Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века*

Андрей Дмитриев

Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет,
Новосибирск, Россия

The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century

Andrey Dmitriev

Novosibirsk National Research State University,
Novosibirsk, Russia

This article analyses data on the marital status of officers at garrison units of the Russian regular army stationed in Siberia in the mid-eighteenth century. Although the inspection lists of the regiments only contained data on persons of non-noble descent, information about almost a hundred officers makes it possible to determine the number of unmarried and married persons and single out those who had sons among the latter. Referring to this information, the author evaluates B. N. Mironov's point of view on the existence of a specific "military estate" in the social system of the Russian Empire. A study of the inspection lists demonstrates that the proportion of married non-commissioned officers of these regiments was almost 80 percent, and half of these individuals had one or more sons. At the same time, in most cases, military personnel married being relatively young. In addition, spouses lived in the location of military units. The materials studied make it possible to correct the existing points of view in historiography regarding how favorable or unfavorable the conditions of military service were to create families. It is established that despite the low social status and the low level of material wealth, the "Siberian garrison" officers had the opportunity to marry, often while serving as common soldiers. It was facilitated by the fact that the garrison troops did not change their locations for many years, which

---

* *Citation*: Dmitriev, A. (2022). The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 3. P. 991–1006. DOI 10.15826/qr.2022.3.713.

Цитирование: Dmitriev A. The Marital Status of Officers in Garrison Forces in Siberia in the Mid-18th Century // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 3. P. 991–1006. DOI 10.15826/qr.2022.3.713 / Дмитриев А. Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 991–1006. DOI 10.15826/qr.2022.3.713.

allowed most officers, natives of Siberia, to serve in their native places without breaking away from their social environment. Most frequently, officers' sons of the garrison troops also entered military service, which gives grounds to assert the existence of a succession in relation to this type of professional activity. These results indicate the need for an in-depth study of the issue with reference to specific military units in various regions of the Russian Empire. Only such an approach can help obtain a complete picture of the family status of the officer corps of the Russian army, which is necessary to determine the place of the "military estate" in the social system of Russia in the eighteenth century.

Keywords: Russian regular army, garrison units, Siberia, mid-18th century, marital status, officers

Статья посвящена анализу данных о семейном положении гарнизонных частей русской регулярной армии, дислоцированных на территории Сибири в середине XVIII в. Хотя в смотровых списках полков эти данные указывались только для лиц недворянского происхождения, сведения о почти ста офицерах дают возможность установить численность холостых и женатых лиц, а среди последних отдельно выделить имевших сыновей. На основании этих сведений оценивается точка зрения Б. Н. Миронова о существовании специфического «военного сословия» в социальной системе Российской империи. Изучение смотровых списков показало, что доля женатых среди офицеров этих полков составляла почти 80 %, половина из этих лиц имели одного и более сыновей. При этом в большинстве случаев браки заключались военнослужащими в относительно молодом возрасте. Кроме того, отмечены случаи совместного проживания супругов в расположении воинских частей. Исследованные материалы позволяют скорректировать существующие в историографии точки зрения относительно того, насколько благоприятствовали или не благоприятствовали условия военной службы созданию семей. Установлено, что, несмотря на невысокое социальное происхождение и связанный с этим соответствующий уровень материального благосостояния, офицеры «сибирского гарнизона» имели возможности для вступления в брак, нередко еще неся службу рядовыми. Этому способствовало то обстоятельство, что гарнизонные войска не меняли мест своей дислокации в течение многих лет, что позволяло большинству офицеров – уроженцев Сибири нести службу в родных местах, не отрываясь от своей социальной среды. Сыновья офицеров гарнизонных войск в большинстве случаев также поступали на военную службу, что дает основания утверждать о существовании наследственной преемственности в отношении данного вида профессиональной деятельности. Полученные результаты свидетельствуют о необходимости углубленного изучения поставленной проблемы на материалах конкретных воинских частей в различных регионах Российской империи. Только такой подход может позволить получить достаточно полную картину семейного положения офицерского корпуса русской армии, необходимую для определения места «военного сословия» в социальной системе России XVIII в.

Ключевые слова: русская регулярная армия, гарнизонные части, Сибирь, середина XVIII в., семейное положение, офицеры

Феномен «военного сословия» в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. до сих пор остается во многом загадкой даже для специалистов. Появление в стране регулярной армии уже с первой четверти XVIII в. породило фактически целый слой людей, для которых профессиональной деятельностью из поколения в поколение оказывалась именно военная служба. Однако ни законодательством империи, ни современными концепциями социальной истории России данного периода они не выделялись и не описывались как отдельный слой, группа, страта. Даже в наиболее фундаментальном на сегодняшний день исследовании Б. Н. Миронова лишь констатируется, что «люди, попавшие в солдаты, переходили в состав “военного сословия”, свой новый статус передавали жене и детям, если были женаты, после отставки – сохраняли» [Миронов, с. 446]¹. В недавно увидевшей свет коллективной монографии уральских исследователей одна из глав посвящена не военнотружущим регулярной армии, а служилым людям, причем для XVIII в. рассматриваются только «региональные траектории развития (урало-сибирский вариант)» [Границы и маркеры, с. 332–352]. Таким образом, место и роль военных чинов в социальной системе империи по-прежнему оказываются до некоторой степени *terra incognita* в рамках проблемного поля изучения российской истории XVIII в.

Руководствуясь приведенным выше тезисом Б. Н. Миронова, мы считаем необходимым обратиться к рассмотрению семейного положения военнотружущих имперской регулярной армии для выяснения вопроса о том, действительно ли «армейское призвание» могло передаваться от поколения к поколению, формируя тем самым устойчивый социальный слой людей в мундирах. Для этого нами была избрана отдельная группа военных чинов – офицеры гарнизонных войск. Выбор продиктован как тем обстоятельством, что именно офицерский корпус русской армии был весьма неоднороден по социальному происхождению входивших в него лиц (в отличие от рядового состава, почти исключительно представленного рекрутами из «тяглых» групп населения), так и большей вовлеченностью военных чинов гарнизонных частей (как не участвовавших в походах, боевых действиях и пр.) в социальную жизнь тех регионов, где они постоянно квартировали.

Вопрос о семейном положении офицеров регулярной армии в XVIII в. вообще остается вплоть до сего дня относительно малоисследованным. Сколько-нибудь систематизированных данных относительно наличия у офицеров семей и численности потомства мы не находим ни в обобщающих трудах по истории русской армии XVIII в. [Бескровный; Леонов, Ульянов], ни в работах, специально

---

¹ Характерно, что в сноске «для интересующихся историей “военного сословия”» автор перечислил только работы зарубежных, а не российских исследователей [Миронов, с. 500].

посвященных изучению ее офицерского корпуса². Точно так же мы не обнаруживаем соответствующих сведений и в публикациях, рисующих картину повседневной жизни и быта военнослужащих [Карпущенко; Охлябинин]. Работы П. П. Щербинина вносят определенный вклад в решение этого вопроса, но у него речь идет, как правило, о рядовом составе, а не об офицерском корпусе [Щербинин, 2004; Щербинин, 2005]. Лишь в диссертационном исследовании Г. В. Калашникова один из параграфов второй главы специально посвящен анализу данных о семейном положении офицеров русской армии в период с 1725 по 1745 г., но и он насчитывает всего несколько страниц [Калашников, с. 133–138].

Между тем, даже минимальный анализ данных о семейном положении военнослужащих может показать, как влияли условия армейской (особенно гарнизонной) службы на возможности вступления в брак и обзаведения потомством, благоприятным или сдерживающим оказывалось это влияние в тех или иных конкретных ситуациях, насколько благополучно выглядело офицерство как социально-профессиональная группа в структуре населения Российской империи с точки зрения потенциала демографического развития и т. д. Наконец, не забудем и о просопографических аспектах – возможность проследить судьбы представителей одной фамилии в том случае, если они находились на военной службе в продолжение ряда десятилетий, предоставляет дополнительные аргументы в пользу выделения «военного сословия» в рамках социума.

Дополнительную сложность при изучении поставленного вопроса представляет состояние источниковой базы. Единственной разновидностью источников, содержащих максимально подробные сведения о личном составе армейских частей за XVIII столетие, остаются смотровые и послужные списки из фондов РГВИА. Характеризуя во введении к подготовленному им справочнику содержание этих списков и возможности их использования исследователями, К. В. Татарников уделил внимание в первую очередь тем данным, которые определяют социальное происхождение, продвижение в чинах и боевые заслуги военнослужащих русской армии XVIII в. Что касается семейного положения и потомства, то по данному аспекту он лишь счел нужным отметить, что графа, свидетельствовавшая о наличии жены и детей, использовалась до 1793 г. только для нижних чинов, а для офицеров – лишь в смотровых списках в период с 1731 по 1748 г. [Татарников, с. 9]. В последних при этом содержалась оговорка «кроме шляхтичей», то есть предписывалось отмечать, «кто женаты, и сколько имеют детей мужеска полу, и в каковы лета, и где живут», только для лиц, происходивших из непривилегированных социальных слоев [Там же, с. 12].

---

² С. В. Волков отвел на характеристику семейного положения офицеров лишь несколько страниц в своей монографии, при этом уделив внимание только периоду второй половины XIX – начала XX в. [Волков, с. 278–282].

Это, безусловно, ограничивает возможности историка, работающего с этими материалами, но все-таки дает основания для определенных выводов при изучении личного состава конкретных воинских частей.

Для настоящего исследования нами были избраны находящиеся в ф. 490 РГВИА («Коллекция офицерских сказок») смотровые списки трех из шести гарнизонных частей, дислоцированных на территории Западной Сибири, за 1748 г.: Тобольского и Енисейского пехотных полков, а также Новоучрежденного пехотного батальона [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 302, 316, 335]³. Эти данные могут быть квалифицированы как достаточно репрезентативные, хотя и с поправкой на специфические условия жизни и службы в Сибири – самом отдаленном регионе империи. Всего по спискам штаб-, обер- и унтер-офицеров в этих частях насчитывалось 119 чел., из них лицами недворянского происхождения, в отношении которых приведены сведения о семейном положении, были 98 чел.⁴ Именно они станут предметом нашего внимания.

Среди этих 98 чел. насчитывалось: штаб-офицеров – трое, обер-офицеров – 44, унтер-офицеров – 51. Представим сводные данные по ним в форме таблицы (табл. 1).

Таблица 1

Брачно-возрастные показатели офицеров гарнизонных частей в Сибири

Возраст	Женатых (в том числе вдовцов)	Холостых
До 30 лет	6	5
31–40 лет	16	2
41–50 лет	23	3
51–60 лет	25	2
После 60 лет	14	2
Всего	84	14

Приведенные данные свидетельствуют, что подавляющее большинство офицеров, находясь на гарнизонной службе, обзаводились семьями. Это противоречит выводу Г. В. Калашникова: «Посвящая свою жизнь военной службе, офицеры поздно – обыкновенно

³ В списках еще двух гарнизонных полков – Новоучрежденного драгунского за 1746 г. и Якутского пехотного за 1748 г. [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 281; 321] – по неизвестным причинам семейное положение указано лишь для унтер-офицеров недворянского происхождения, без штаб- и обер-офицеров. Единственный список Сибирского драгунского полка, относящийся к 1742 г., имеет аналогичную особенность [Там же. Д. 210]. Поэтому мы лишены возможности полноценно оперировать данными по этим воинским частям.

⁴ Здесь и далее подсчет наш (А. Д.).

в возрасте старше 45 лет – заводили семьи, а около трети офицеров оставалось бессемейными до конца жизни» [Калашников, с. 273]. Можно предположить, что такой вывод был сделан на основе изучения данных по полевым армейским частям, условия службы в которых действительно оставляли немного возможностей для семейной жизни. Зато военнослужащие гарнизонных частей, много лет квартировавшие в одних и тех же местах, могли устанавливать тесные контакты, вплоть до родственных связей, с местными жителями, особенно городскими обывателями, как это уже отмечалось исследователями [Проскурякова, с. 26]. Кроме того, число женатых и неженатых почти совпадает только в возрасте до 30 лет, а дальше по всем возрастным группам мы наблюдаем устойчивое доминирование лиц, вступивших в брак.

Среди холостяков мы обнаруживаем тех, кто в молодости еще не успели жениться, а также почти стариков, которые вряд ли могли теперь на что-то рассчитывать. Одному из них, во всяком случае, жениться было слишком рано: сержант Енисейского полка Алексей Замощиков (уроженец Тобольска, из сибирских дворян) достиг всего 16 лет, хотя находился в полку на действительной службе уже два года [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 49 об., 50]. Его сослуживцу каптенармусу Михаилу Башмакову исполнилось 20 лет, при этом он состоял в рядах полка уже пять лет. Заметим, что в данном случае мы как раз сталкиваемся с представителем «военного сословия» уже во втором поколении, поскольку его отец Иван Башмаков, происходивший из казаков г. Туринска, в 1730-х гг. нес службу в том же Енисейском полку в чине капитана [Там же. Л. 135 об., 136; Д. 22. Л. 53 об., 54]. Причем сын у него появился, когда отцу было уже за 50 лет!

Самым пожилым из числа бессемейных оказался 71-летний Трифон Фадеев, уже более четверти века служивший в чине подпрапорщика в Тобольском полку, а на военную службу взятый чуть более 40 лет назад в Москве из дворовых людей [Там же. Д. 335. Л. 118 об., 119]. Судя по его биографии, этот человек не имел ни каких-либо карьерных устремлений, раз сумел получить только старший унтер-офицерский чин, ни особых жизненных интересов, так и не обзаведясь семьей за годы службы в Европейской России и за 20 с небольшим лет пребывания в Сибири. А 56-летний каптенармус Новоучрежденного батальона Корнилий Хайдуков, хотя и был местным уроженцем (происходил из казачьих детей г. Пелыма), но также не женился как до вступления в армию, так и за последующие 30 лет военной службы [Там же. Д. 302. Л. 61 об., 62].

Впрочем, гораздо более интересные сведения мы находим о многих женатых офицерах. Прежде всего есть основания утверждать, что хотя бы некоторые из них вступали в брак еще до прибытия к месту службы в Сибирь или даже до попадания на военную службу.

Так, каптенармус Тобольского полка 66-летний Федор Бобылев, выходец из посадских людей Ярославля, начал свою армейскую карьеру почти 40 лет назад, когда ему уже исполнилось 27 лет, а на территорию Сибири попал в 1725 г., чуть более 20 лет назад [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 73 об., 74]. Следовательно, здесь были два возможных варианта женитьбы: еще до ухода в армию или же до перевода полка в Сибирь. Сходным образом, очевидно, складывалась жизненная траектория его 63-летнего сослуживца сержанта Гаврилы Ортюгова – он был сыном московского посадского, в армию попал 17-летним юношей в 1701 г., а спустя почти четверть века отправился на восток в составе Енисейского полка [Там же. Л. 118 об., 119]. В данном случае наиболее вероятным представляется вступление в брак на протяжении первой четверти XVIII столетия во время службы в европейской части страны.

В связи с этим П. П. Щербинин указывает: «Женщина могла стать солдаткой (солдатской женой, рекруткой, женой нижнего воинского чина) при следующих обстоятельствах: 1) призыве мужа-крестьянина или мещанина в рекруты или солдаты; 2) заключении брака с рекрутом или солдатом срочной службы; 3) выходе замуж за отставного или отпускного солдата. Понятно, что наиболее распространенной была первая категория, когда статус солдатки и перевод женщины в военное сословие происходили после отправки мужа в армию» [Щербинин, 2006]⁵. Он также отмечает двойственность положения жен рядовых солдат до 1764 г., когда, с одной стороны, «сложности для семейной жизни солдата и тяжелые условия для совместного проживания, отсутствие средств приводили к тому, что большинство женщин-солдаток оставалось на прежнем старом месте жительства», а с другой – что «офицеры признавали благотворное влияние семейной жизни на нравственность, поведение солдата и его отношение к службе. Поэтому они при наличии благоприятных обстоятельств старались не препятствовать устройству солдатом своей семейной жизни. Командиры полков отмечали, что семейные солдаты становились степеннее и рассудительнее, имели определенные цели и прочные привязанности» [Там же]. Изданная в 1764 г. «Инструкция пехотного полка полковнику» прямо гласила: «Не только солдатския, но и штаб-, и обер-, и унтер-офицерския жены при полку имеют в тех же квартирах жить, где их мужья, а нижних чинов жены, (кроме тех, кои из дворян) без позволения и пашпорту полковаго никуда отходить, или инде где жить не могут» [Инструкция пехотного полку, с. 32]. Выявленные нами случаи свидетельствуют, что в первой половине XVIII в. сосуществовали обе тенденции, отмеченные П. П. Щербининым.

---

⁵ Автор также отметил, что только с 1744 г. жены рекрутов должны были оставаться на прежних местах жительства.

Гораздо меньше трудностей возникало в этом отношении для местных уроженцев, которые служили в гарнизонных частях, дислоцированных в относительной близости от их родных мест. Сын томского казака, впоследствии капитан Тобольского полка Василий Перевозчиков, попав в 18 лет в ряды регулярной армии (в 1715 г.), на протяжении 1730–1740-х гг. нес службу в крепостях Иртышской линии, так что, вероятнее всего, успел жениться еще в молодые годы, до отправки туда [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 4 об., 5]. Каптенармус того же полка Лука Лагунов (уроженец Тобольска, происходил из солдатских детей), пополнивший его ряды также 18-летним в 1740 г., в декабре 1746 г. отправился в Пелым нести караул при ссыльном фельдмаршале Б.-Х. Минихе, очевидно, успев жениться перед этим [Там же. Л. 29 об., 30]. Наконец, в том же Тобольском полку мы обнаруживаем несших службу в унтер-офицерских чинах отца и сына, причем они даже числились в составе одной роты! Первый, каптенармус Василий Солдатов, сын тюменского казака, женился еще до начала службы, поскольку был взят в армию в 1723 г., а его сын Иван родился в 1722 г. К 1748 г. он уже почти полтора десятилетия постоянно проживал в Семипалатинской крепости. Иван Солдатов после учебы в школе для солдатских детей в Тобольске был зачислен на службу в возрасте 14 лет, успел побывать в составе Енисейского полка ротным писарем, а в 1747 г. был произведен в подпрапорщики той же роты, где числился его отец. С 1740 г. он проживал в Ямышевской крепости, где, судя по всему, успел вступить в брак [Там же. Л. 156 об. –158]. В данном случае, как видим, обстоятельства обзаведения семьей у отца с сыном оказались различными, но с одним и тем же успешным результатом.

Но самым интересным, на наш взгляд, оказывается тот факт, что среди 84 семейных офицеров у почти половины (41 чел.) отмечены сыновья, причем у 11 чел. даже не по одному. К сожалению, точно установить численность детей в их семьях невозможно, поскольку, как уже отмечено выше, в списках указывалось только наличие сыновей, а если у офицера рождались дочери, то никакой информации об этом официальная документация не содержала. Вряд ли мы ошибемся, предположив, что у какого-то числа лиц из оставшихся 43 чел. могли быть дочери – исходя из возрастных показателей (см. табл. 1), у многих из них, по крайней мере, можно предполагать наличие дочерей. Капитан И. Г. Андреев в своих мемуарах, написанных к концу XVIII столетия, отмечал, что у его родного дяди Ивана Яковлевича Андреева, капрала Ширванского пехотного полка, скончавшегося в 1751 г., было шестеро дочерей, «которые выданы были теткою Акулиною за честных людей» [Домовая летопись, с. 3]. Ниже будет показано, что армейские офицеры могли становиться отцами не только в молодости, но и в относительно зрелом возрасте. Что же касается 41 чел., обзаведшихся потомством мужского пола, то здесь картина выглядела следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

**Численность сыновей в семьях офицеров
с указанием возраста глав семей**

Возраст офицера	Число сыновей в семье		
	один	двое	трое
До 30 лет	1	1	–
31–40 лет	6	1	1
41–50 лет	10	1	2
51–60 лет	7	2	2
После 60 лет	6	–	1

Как видим, преобладающим типом оказывалась семья, в которой у офицера в зрелом или даже пожилом возрасте отмечен один сын. Здесь, пожалуй, можно согласиться с мнением Г. В. Калашникова: «Из-за поздних браков и неустроенности быта в офицерских семьях не бывало много детей: в редких случаях до совершеннолетия доживало более 3 сыновей» [Калашников, с. 273]. Однако за пределами рамок этого типа семьи мы встречаем самые разные казусы, заставляющие предположить, что разница в возрасте между супругами или обстоятельства заключения брака заметно варьировали. Так, двое самых молодых офицеров обзавелись семьями еще до того, как им исполнилось 25 лет. Сержант Новоучрежденного батальона Иван Зыков, как и многие, женился, будучи на службе (солдатский сын из тобольской гарнизонной школы попал в армию в 15-летнем возрасте), вероятно, на своей ровеснице, а в 1746 г., перед тем, как он отправился в Кетский острог «для караула некоторого арестанта», у него родился сын Максим [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 302. Л. 40 об., 41]. Аналогичным образом складывалась жизнь каптенармуса Тобольского полка Осипа Исакова: в 1745 и 1746 гг., когда он проживал в Ямышевской крепости, у него родились сыновья Петр и Федор. Правда, с ноября 1747 г. его общение с женой прервалось, поскольку он угодил под арест за кражу казенных денег [Там же. Д. 335. Л. 54 об., 55]. С нашей современной точки зрения такие браки выглядят, конечно, обычным явлением, но в XVIII столетии столь рано начинали семейную жизнь немногие.

Более экзотичными представляются случаи, когда отцу-офицеру на момент появления сына было уже за 50 лет. Причин здесь могло быть, вероятно, две: если жена оказывалась значительно моложе своего мужа и если для последнего это был уже не первый брак. У 60-летнего капитана Тобольского полка Григория Долгих (из сибирских монастырских служителей), с 1735 г. проживавшего в Семипалатинской крепости, только в 1745 г. родился сын Петр [Там же. Л. 136 об., 137]. А 62-летний сержант Енисейского полка Андрей Бурцов (из сибирских дворян, уроженец Тобольска) к 1748 г. уже

овдовел, но успешно растил 9-летнего сына Ивана, который в середине 1750-х гг. был зачислен в тот же полк солдатом [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 91 об., 92; Д. 410. Л. 103 об., 104]⁶. Примеры подобного рода свидетельствуют, что даже пожилые офицеры могли заботиться о продолжении рода, и после 50 лет продолжая активную семейную жизнь.

В тех семьях, где сыновей было двое или трое, разница в возрасте между ними, как правило, не превышала десяти лет. Здесь мы обнаружили опять-таки лишь два исключения. Капитан Енисейского полка 54-летний Дементий Завьялов, сын тобольского ямщика, имел троих сыновей, из которых старший, Михаил, родился в 1715 г., как раз когда его отец был взят на военную службу; второй, Андрей, появился на свет в 1723 г., а младший, Яков – уже в 1731 г. Интересно, что всем троим отец определил военную карьеру: Михаил занял в том же полку должность писаря; Андрей, начав с обучения «школьной науке», к середине 1750-х гг. стал здесь же каптенармусом; Яков после окончания солдатской школы поступил рядовым драгуном в один из полевых армейских полков, только недавно передислоцированных в Сибирь, а впоследствии был отмечен в послужном списке отца как «в российских полках писарь» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 70 об., 71; Д. 410. Л. 75 об., 76].

У сержанта Тобольского полка 67-летнего Афанасия Хохлова (из сибирских крестьян) также было трое сыновей: старший, Дмитрий, родился в 1723 г., а двое младших, Степан и Яков, в 1735 и 1738 гг. соответственно. Относительно последних говорилось, что они «живут при нем», то есть в Усть-Каменогорской крепости, где он нес службу более 20 лет. Судя по всему, он либо не имел средств, либо не посчитал нужным отдать их для обучения в солдатскую школу Тобольска. Зато совершенно удивительной выглядела судьба старшего сына – Дмитрий к этому времени служил рядовым в лейб-гвардии Измайловском полку [Там же. Д. 335. Л. 95 об., 96]. Для сына бывшего крестьянина, даже не ставшего на военной службе обер-офицером, выходца с отдаленной окраины империи, такая карьера выглядит прямо-таки неправдоподобной.

Эти, да и ряд других случаев подталкивают к мысли, что офицеры активно старались обзаводиться потомством, особенно если принять во внимание, что далеко не все дети тогда доживали до совершеннолетия. Можно вспомнить слова того же И. Г. Андреева о его родной матери на момент смерти ее мужа (отца мемуариста) в 1755 г.: «Будучи 35 лет от роду... и имея осьмерых детей, из коих большему Александру было 13 лет» [Домовая летопись, с. 7]⁷. Простой подсчет показывает, что в семье Андреевых дети должны были появлять-

---

⁶ Иван Бурцов в 1772 г. уже стал капитаном, однако впоследствии был разжалован в прапорщики по приговору военного суда «за неумеренное в ночное время в пьяном образе сечение плетьюми женки Катерины Нестеровой, отчего она вскоре умре» [РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494. Л. 356 об., 357].

⁷ У И. Андреева было четыре брата и три сестры.

ся с интервалом в полтора, максимум два года. Трудно утверждать со всей определенностью, что в семьях капитана Завьялова и сержанта Хохлова складывалась аналогичная ситуация, но как вариант объяснения значительной (16 и 15 лет соответственно) разницы в возрасте между старшими и младшими сыновьями такая версия может рассматриваться.

Те сыновья офицеров, которые на момент составления списков в 1748 г. уже достигли совершеннолетия, как правило, определялись их отцами на военную службу. У каптенармуса Новоучрежденного батальона 61-летнего Василия Михайлова (сына местного пономаря) сын Иван, которому уже исполнилось 19 лет, служил солдатом в Ширванском полевом пехотном полку [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 302. Л. 40 об., 41]. Капитан Енисейского полка 50-летний Афанасий Быков (сын тобольского казака) определил своего отпрыска Василия в Тобольский полк солдатом [Там же. Д. 316. Л. 27 об., 28]. Только капитан Тобольского полка 58-летний Алексей Карачинцов (из семьи тобольских купцов) избрал для своего сына другую стезю: Григорий, родившийся в 1710 г., был к концу 1720-х гг. «определен из школьников в Сибирскую губернскую канцелярию в копиисты» [Там же. Д. 335. Л. 117 об., 118]. Впрочем, сыновья офицеров «неблагородного» происхождения en masse вряд ли могли рассчитывать многого добиться на военной службе. Единственным исключением из правила выглядит 73-летний подполковник Тобольского полка Михаил Лебедев – сын рязанского рейтара уже к концу Петровской эпохи приобрел дворянское достоинство, поэтому его сын, тоже Михаил, родившийся в 1723 г., числился по происхождению «из шляхетства» и в возрасте 25 лет с чином прапорщика занимал при отце должность полкового адъютанта [Там же. Л. 1 об., 2].

Относительно просопографических аспектов при изучении жизненного пути офицерских сыновей мы считаем необходимым указать еще несколько примеров, свидетельствующих о распространенности в среде военных наследования сыновьями профессионального статуса отцов, что подтверждает правомерность выделения «военного сословия» как особой группы имперского социума. Поручик Тобольского полка Лука Разумнов, 44-летний казачий сын из Енисейска, рано попал на военную службу (19-летним в 1723 г.), вероятнее всего, женился уже в полку. В 1748 г. у него было трое сыновей: старший, Алексей, родившийся в 1737 г., находился «в Тобольске в школьной науке», а двое младших, Иван и Василий (1742 и 1744 гг. рождения соответственно), жили с отцом и матерью [Там же. Л. 4 об., 5]. Из этих троих мы смогли проследить жизненный путь Ивана – в конце 1761 г. он был зачислен на службу, в 1779 г. стал прапорщиком, а в 1784 г., будучи «сверхкомплектным» в составе 1-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона, состоял «по городу Таболску по благочинию в частных смотрителях» [Там же. Д. 508. Л. 813 об., 814], то есть, оставаясь офицером гарнизонных войск, одновременно служил в местной полиции.

Своеобразно сложилась судьба одного из сыновей сержанта Енисейского полка Ивана Паклина. У 57-летнего бывшего тюменского крестьянина также было трое сыновей, которые родились на протяжении 1730-х гг.: Иван (в 1734 г.), Василий (в 1736 г.) и Степан (в 1739 г.) [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 316. Л. 111 об., 112]. В середине 1750-х гг. двое старших уже несли солдатскую службу в полевых полках, а младший, несмотря на то, что ему исполнилось только 15 лет, был определен копиистом в Сибирскую губернскую канцелярию. Однако карьера статского чиновника его почему-то не прельстила, и в 1763 г. он переменял должность канцеляриста на звание рядового лейб-гвардии Преображенского полка. В 1772 г. он стал капитаном на вакансии поручика в Бийском гарнизонном пехотном линейном пограничном батальоне, а с 1784 г. уже с чином секунд-майора вернулся на службу по гражданскому ведомству, заняв должность председателя губернского магистрата Кольванской области [Там же. Оп. 5. Д. 324. Л. 556 об., 557; Месяцеслов, 1784, с. 474]. Степан Паклин также может быть причислен к «военному сословию», хотя и с некоторой долей условности, поскольку после получения штаб-офицерского чина он должен был считаться потомственным дворянином.

Впрочем, потомкам не всегда удавалось продвинуться по лестнице чинов выше своих отцов. Тобольский казачий сын Василий Сергеев уже в ранней юности начал армейскую карьеру и в 1748 г., когда ему исполнилось 62 года, сделался секунд-майором Тобольского полка [РГВИА. Ф. 90. Оп. 1. Д. 335. Л. 1 об., 2]. Его единственный сын Александр родился в 1732 г., жил с матерью в Тобольске (поскольку его отца в 1742 г. перевели в Железинскую крепость), 15-летним был взят в солдаты в Ширванский полевой пехотный полк. С 1763 г. он служил в чине поручика, но так и не смог получить дальнейшего повышения, прежде всего из-за своих многочисленных прегрешений за время пребывания в г. Селенгинске:

За учиненные им шумства в квартире Селенгинской воеводской канцелярии копииста Березовского и оному обиды... был арестован на неделю; да сверх того состоял под следствием в бытность его в Селенгинской воеводской канцелярии в правлении воеводской должности в недостающем числе экономического содержания денег, но по тому следствию... оставлен без штрафа; да по бытности его в Селенгинске в правлении плац-майорской должности за допуск содержавшегося на гауптвахте арестанта к партикулярной работе... оштрафован вычетом из жалования на госпиталь за полгода [Там же. Оп. 5. Д. 325. Л. 218 об., 219; Д. 510. Л. 238 об. -240].

В итоге на протяжении 1770–1780-х гг. военное начальство квалифицировало его недостойным к повышению в чине.

А вот пример семьи Воиновых иллюстрирует как раз успешную карьеру, когда сын прапорщика стал секунд-майором. Тюменский

сын боярский Егор Воинов попал на военную службу сравнительно поздно, в возрасте 29 лет был зачислен в формирующийся в конце 1730-х гг. Новоучрежденный батальон и за десять лет армейской карьеры дослужился лишь до чина прапорщика в Тобольском полку. Еще до начала службы в его семье родился сын Михаил (в 1737 г.), живший с матерью сначала в Тюмени, затем в Тобольске [РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 335. Л. 118 об., 119]. Михаила Воинова взяли в армию в 1753 г., и его служба складывалась столь удачно, что к 45 годам он сделался секунд-майором и командиром 2-го Селенгинского гарнизонного пехотного батальона, одновременно занимая должности и в аппарате гражданского управления: в 1780 г. он состоял в счетной экспедиции Иркутской губернии, а в 1783 г. был товарищем воеводы в г. Якутске [РГВИА. Ф. 490. Оп. 5. Д. 510. Л. 230 об., 231; Роспись чиновных особ, 1780, с. 433; Месяцеслов, 1783, с. 465]. Трудно сказать, до какой степени повлияло на карьеру сына благополучное семейное и материальное положение его отца, не имевшего, правда, особых достижений на военной службе, но Егор Воинов, очевидно, сумел дать Михаилу хорошее образование, иначе последний не сделался бы в начале 1760-х гг. полковым аудитором – такая должность требовала хорошего знания государственного и военного законодательства, а также определенного кругозора.

Итак, мы выяснили, что значительное большинство офицеров в гарнизонных частях Сибири середины XVIII в. были людьми семейными и имевшими потомство. Эта доля даже превышает оценку П. П. Щербинина, который считал возможным определять (правда, в отношении рядового состава), что «в середине XVIII в. около половины военнотружущих были женатыми» [Щербинин, 2006]. В данном случае это связано с тем, что гарнизонные офицеры, представленные в основном местными уроженцами, много лет несли военную службу, не отделяясь от привычной социальной среды, и решать те или иные проблемы, связанные с обзаведением семьей и домом, им было гораздо легче, нежели прибывавшим на службу в Сибирь из других регионов страны или состоявшим в полевых частях, нередко менявших места дислокации.

Своим сыновьям офицеры «сибирского гарнизона», как правило, прочили военную карьеру, уже в детстве отдавая их для обучения в солдатские школы (прежде всего в тобольскую). Немалое число отпрысков обер- и унтер-офицеров по достижении совершеннолетия пополняли собой рядовой состав армии, хотя из этого правила бывали исключения, когда кто-либо предпочитал статскую службу. Успех их карьеры зависел скорее от личных достоинств, нежели от происхождения (как-никак, речь идет только об офицерах, не принадлежавших к «благородному шляхетству») или служебных достижений отцов. Однако распространенность подобной жизненной траектории все-таки заставляет задаться вопросом: возможно ли считать военнотружущих регулярной армии Российской империи в XVIII в. отдельной социальной группой или даже «военным сословием»?

Позиция Б. Н. Миронова выглядит несколько противоречивой: с одной стороны, он признает, что пожизненный характер военной службы для лиц непривилегированного происхождения означал для них утрату связи с любой из основных социальных групп, к которой они могли принадлежать ранее; с другой – на всем протяжении XVIII в. он считает возможным относить представителей «военного сословия» к «разночинцам», которые «являлись промежуточной социальной группой между податными и привилегированными сословиями, поэтому они не попадали в главные сословия» [Миронов, с. 448]. Но как в этом случае интерпретировать появление своеобразных династий военнотружущих, которые могли включать целый ряд мужчин, принадлежавших к одному роду, в продолжение нескольких поколений?

Понятно, что привлеченный нами материал не может дать полного ответа на поставленный вопрос. Для того, чтобы определиться с социальным положением «военного сословия» в течение XVIII столетия, необходимы масштабные просопографические исследования на материалах разных регионов Российской империи, хотя доступная для этих целей источниковая база выглядит, прямо скажем, скудно. Если численность и жизненные пути дворянских семейств еще как-то могут быть реконструированы на основе материалов Герольдмейстерской конторы Сената, губернских дворянских обществ и т. д., то для представителей непривилегированных групп населения это возможно лишь на базе документации, относящейся к их профессиональной деятельности, – для военнотружущих в данном случае это будут формулярные (смотровые и послужные) списки. В рамках настоящей публикации мы попытались показать необходимость серьезного изучения этой проблемы, а также оценить потенциал одного из комплексов источников, на основе которых возможно такое изучение.

Список литературы

Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII в. : очерки. М. : Воениздат, 1958. 645 с.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.

Границы и маркеры социальной стратификации России XVII–XX вв.: векторы исследования / отв. ред. Д. А. Редин. СПб. : Алетейя, 2018. 722 с.

Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М. : Университет. тип., 1871. 119 с.

Инструкция пехотного полку полковнику, с приложением форм штатов и табелей. СПб. : [Б. и.], 1764. 35 с.

Калашиников Г. В. Офицерский корпус русской армии в 1725–1745 гг. : дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 1999. 292 с.

Карпущенко С. В. Армейские будни: казарма, каша, казна, кафтан // Быт русской армии XVIII – начала XX в. М. : Воениздат, 1999. С. 13–150.

Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Русская пехота, 1698–1801 : Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение. М. : АСТ, 1995. 296 с.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1783. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1783. 524 с.

Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1784. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1784. 526 с.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.

Охлябинин С. Д. Повседневная жизнь русской армии во времена суворовских войн. М. : Молодая гвардия, 2004. 345 с.

Проскуракова М. Е. Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии в первой половине XVIII века : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. : [Б. и.], 2009. 30 с.

РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Д. 210, 281, 302, 316, 321, 335, 410; Оп. 5. Д. 324, 325, 494, 508, 510.

Роспись чиновных особ в государстве при начале сего 1780 года. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1780. 504 с.

Татарников К. В. Предисловие // Послужные и смотровые списки русской армии 1730–1796 гг. в собрании РГВИА : межфонд. указ. : [в 3 т.]. М. : Старая Басманная, 2013. Т. 1. С. 3–42.

Щербинин П. П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Тамбов : Юлис, 2004. 507 с.

Щербинин П. П. Жизнь русской солдатки в XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79–92.

Щербинин П. П. Солдатские жены в XVIII – начале XX в.: опыт реконструкции социального статуса, правового положения, социокультурного облика, поведения и настроений // The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies : [website]. 2006. Iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493> (accessed: 29.04.2021). DOI 10.4000/pipss.493.

References

Beskrovnyi, L. G. (1958). *Russkaya armiya i flot v XVIII v. (Ocherki)* [The Russian Army and Navy in the 18th Century (Essays)]. Moscow, Voenizdat. 645 p.

Domovaya letopis', pisannaya kapitanom Ivanom Andreevym v 1789 g. [Family Annals Written by Captain Ivan Andreev in 1789]. (1871). Moscow, Universitetskaya tipografiya. 119 p.

Instruktsiya pekhotnago polku polkovniku, s prilozheniem form shtatov i tabeli [Instruction for the Colonel of Infantry Regiment, with the Application of Forms for States and Report Cards]. (1764) St Petersburg, S. n. 35 p.

Kalashnikov, G. V. (1999). *Ofiterskii korpus russkoi armii v 1725–1745 gg.* [Officer Corps of the Russian Army in 1725–1745]. Dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 292 p.

Karpushchenko, S. V. (1999). Armeiskie budni: kazarma, kasha, kazna, kaftan [Army Everyday Life: Barracks, Porridge, Money, Coat]. In *Byt russkoi armii XVIII – nachala XX v.* Moscow, Voenizdat, pp. 13–150.

Leonov, O. G., Ul'yanov, I. E. (1995). *Russkaya pekhota, 1698–1801. Boevaya letopis', organizatsiya, obmundirovanie, vooruzhenie, snaryazhenie* [Russian Infantry, 1698–1801. Military Chronicle, Organization, Uniforms, Weapons, Equipment]. Moscow, AST. 296 p.

Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1783 [Calendar with a List of Officials in the State for the Year 1783 AD]. (1783). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 524 p.

Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1784 [Calendar with a List of Officials in the State for the Year 1784 AD]. (1784). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 526 p.

Mironov, B. N. (2014). *Rossiiskaya imperiya: ot traditsii k modernu v 3 t.* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity. 3 Vols.]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. Vol. 1. 896 p.

Okhlyabinin, S. D. (2004). *Povsednevnyaya zhizn' russkoi armii vo vremena suvorovskikh vojn* [The Russian Army's Everyday Life in the Times of Suvorov's Wars]. Moscow, Molodaya gvardiya. 345 p.

Proskuryakova, M. E. (2009). *Rossiiskie kreposti i garnizony v Vyborgskoi Karelii v pervoi polovine XVIII veka* [Russian Fortresses and Garrisons in Vyborg Karelia in the First Half of the 18th Century]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St Petersburg, S. n. 30 p.

Redin, D. A. (Ed.). (2018). *Granitsy i markery sotsial'noi stratifikatsii Rossii XVII–XX vv.: vektory issledovaniya* [Borders and Markers of Social Stratification of Russia in the 17th–20th Centuries: Research Vectors]. St Petersburg, Aleteiya. 722 p.

RGVIA [Russian State Military History Archive]. Stock 490. List 1. Dos. 210, 281, 302, 316, 321, 335, 410; List 5. Dos. 324, 325, 494, 508, 510.

Rospis' chinovnykh osob v gosudarstve pri nachale sego 1780 goda [List of Officials in the State at the Beginning of 1780]. (1780). St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 504 p.

Shcherbinin, P. P. (2004). *Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.* [The Military Factor in the Daily Life of the Russian Woman in the 18th – Early 20th Centuries]. Tambov, Yulis. 507 p.

Shcherbinin, P. P. (2005). Zhizn' russkoi soldatki v XVIII–XIX vv. [The Life of the Russian Soldier's Wife in the 18th–19th Centuries]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 79–92.

Shcherbinin, P. P. (2006). Soldatskie zheny v XVIII – nachale XX v.: opyt rekonstruktsii sotsial'nogo statusa, pravovogo polozheniya, sotsiokul'turnogo oblika, povedeniya i nastroenii [Soldiers' Wives from the 18th to the 20th Century: The Reconstruction Experience of Social and Legal Status, Sociocultural Character, Behaviour and Sentiments]. In *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies [website]*. Iss. 4/5. URL: <http://journals.openedition.org/pipss/493> (accessed: 29.04.2021). DOI 10.4000/pipss.493.

Tatarnikov, K. V. (2013). Predislovie [Foreword]. In *Posluzhnyye i smotrovyye spiski russkoi armii 1730–1796 gg. v sobranii RGVIA. Mezhfondovyyi ukazatel' v 3 t.* Moscow, Staraya Basmannaya. Vol. 1, pp. 3–42.

Volkov, S. V. (2003). *Russkii ofiterskii korpus* [Russian Officer Corps]. Moscow, Tsentrpoligraf. 414 p.

The article was submitted on 13.05.2021